

ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЯ Н. О. ЛОССКОГО (на материале дружеских писем)
Е. В. Еврак

N. O. LOSSKY'S LINGUISTIC PERSONOLOGY (friendly letters studies)
E. V. Evrak

В статье рассматривается лингвоперсонологическая проблематика в дружеских письмах известного русско-го эмигранта, философа Н. О. Лосского.

The article deals with the letters by the famous Russian emigre philosopher N. O. Lossky within the framework of the linguopersonological hypothesis.

Ключевые слова: персонология, лингвоперсонология, письма, дружеские письма, языковая личность.

Keywords: personology, linguistic personology, letters, friendly letters, linguistic personality.

Лингвоперсонологический подход к анализу особенностей идиостиля Н. О. Лосского подразумевает обращение к его эпистолярному наследию. Теоретический дискурс о персонологичности письма представляет наиболее "лингвоперсонологичную" область его проявления. На это указывают учёные из разных областей гуманитаристики. А. Н. Алексеев отмечает, что "приватное письмо, адресованное современнику с целью сообщить нечто, скажем, о себе самом, может годы спустя приобрести смысл публичного свидетельства об исторической эпохе. А собрание частных писем исторической личности может сказать о ней больше, чем тома адресованных широкой аудитории сочинений. С другой стороны, стилистика частных писем чрезвычайно информативна для социокультурной, психологической и лингвистической характеристики их авторов" [2, с. 41 – 42]. Из этого следует, что персонологический характер бытия невозможно описать без осмысления его письменного кода. По мнению Г. Л. Тульчинского, "определить бытие может только его участник, который непосредственно переживает бытие, осваивая его как собственную судьбу и как собственное время" [15, с. 79]. По М. Хайдеггеру, существование человека – Dasein и есть его личностное время, определения которого представлены в переживаниях человеком своей судьбы. Говоря на языке философа, как выявить – явить себе и миру "вещество существования"? Первым средством такой фиксации стала традиция, дающая человеку укорениться в бытии, вписать его в некие рамки, привязать к определённым точкам пространства и времени, придавая, тем самым, смысл его существованию. В конечном счёте, такая традиция – ни что иное, как миф – базовый способ осмысления человеком мира, себя, своего места в мире [15]. Таким мифом является нарратив, письменная фиксация своего существования, выразившаяся в письме.

С открытием скрипторики письменная фиксация бытия получила исключительные возможности. Скрипторика – наука новая, находящаяся в стадии активного становления и развития. «Скрипторика» – от латинского «scriptor» (от scribere, писать) – пишущий, писец, переписчик, писатель. Скрипторика – наука о человеке пишущем, о письме и письменной деятельности, как образе жизни и способе отношения к миру. Главный вопрос скрипторики: кто пишет и зачем? [16,

с. 124 – 125]. Вопрос несущественный с точки зрения грамматологии (по Деррида – «науке о письме, о предмете, которого нет» Ж. Деррида) [6, с. 7]. Скрипторика отстаивает тезис о том, что письмо не является меньшим свидетельством о пишущем, чем речь – о говорящем. Просто это иного рода свидетельство – и иной масштаб и уровень субъекта. Исчезая в качестве эмпирического присутствия, пишущий заново возникает в письме, но это уже Другой Субъект, способный проявлять себя в формах своего отсутствия. Это сверхсубъект, способный умирать в своём предикате, как писатель умирает в письме, а актёр умирает в персонаже. Это процесс жизни, которая умирает, чтобы возродится в формах своего более значимого и могущественного отсутствия. Скрипторика – это антропология, психология и персонология письма, именно в его радикальном отличии от речи, в его «нефизичности» и «не-метафоричности» [16, с. 128 – 129]. Скрипторика, по мнению учёного, отправляется ровно оттуда, где грамматология устанавливает радикальное отличие письма от речи и утверждает письмо как форму отсутствия, точнее стирания (и пишущего, и "писуемого", т. е. предметного содержания письма. Но именно такое самостирание, самопреодоление и составляет бытие пишущего. То, что письмо представляет себя в отсутствии пишущего, есть не менее живое и мощное свидетельство о нём, отсутствующем, чем то, что предъясняется посредством голоса и жеста. Текст в скрипторике, в отличие от устного слова существует в отрыве от автора и постоянно готов ему изменить с тем, кто ему в данный момент ближе: с читателем, критиком, интерпретатором. Отсутствие человека в письменном тексте не менее значимо и человечно, чем присутствие говорящего в говоримом. Человек – это создаваемые им формы самоотсутствия, формы самовыражения и самостирания [16, с. 133]. Вместе с антропологической сущностью письма есть ещё психологическая мотивация. Так, Л. С. Выготский, следуя за В. Вундтом, подчёркивает принципиальное отличие письменной речи от устной: "...Письменная речь в существенных чертах развития несколько не есть также простой перевод устной речи в письменные знаки... Она есть алгебра речи, наиболее трудная и сложная форма намеренной и сознательной речевой деятельности" [16, с. 136]. В алгебре отсутствуют конкретные числа, единицы исчисления,

а возникают некие условные символы, на место которых можно подставить любое число. Точно также письмо отвлекается от конкретной ситуации устной речи, от наличия означаемых и самого говорящего. Ситуация письменной речи есть ситуация, в которой тот, к кому обращена речь, или отсутствует вовсе, или не находится в контакте с пишущим... ситуация, требующая двойной абстракции [17, с. 136]. Интересные наблюдения о сущности письменной речи были сделаны в своё время выдающимся психологом, изучающим различные аспекты проблемы языка и сознания, А. Р. Лурия. Он пишет: "Особенность письменной речи состоит именно в том, что весь процесс контроля над письменной речью остаётся в пределах деятельности самого пишущего, без коррекции со стороны слушателя ...письменная речь не имеет почти никаких внеязыковых, дополнительных средств выражения. Она не предполагает ни знания ситуации адресатом, ни симпрактического контакта, она не располагает средствами жестов, мимики, интонации, пауз, которые играют роль "семантических маркеров" в устной речи, и только частичным замещением этих последних являются приёмы выделения отдельных элементов излагаемого текста курсивом или абзацем. Таким образом, вся информация, выражаемая в письменной речи, должна опираться лишь на достаточно полное использование развёрнутых грамматических средств языка. Отсюда письменная речь должна быть максимально синсемантична и грамматические средства, которые она использует, должны быть полностью достаточными для выражения передаваемого сообщения" [14, с. 270]. Письменная речь по своему происхождению и по психологическому строению отличается от устной речи. Письменная речь включает в свой состав ряд уровней, которые отсутствуют в устной речи: фонематический – поиск отдельных звуков, их противопоставление, кодирование отдельных звуков в буквы, сочетание отдельных звуков и букв в целые слова. Она в значительно большей степени, чем это имеет место в устной речи, включает в свой состав и лексический уровень, заключающийся в подборе слов, в поиске подходящих нужных словесных выражений, с противопоставлением их другим лексическим альтернативам. Письменная речь включает в свой состав и сознательные операции синтаксического уровня, который чаще всего протекает автоматически, неосознанно в устной речи, но который составляет в письменной речи одно из существенных звеньев. Как правило, пишущий имеет дело с сознательным построением фразы, которая опосредуется не только имеющимися речевыми навыками, но и правилами грамматики и синтаксиса. Письменная речь является существенным средством в процессах мышления. Включая, с одной стороны, в свой состав сознательные операции языковыми категориями, она протекает совсем в ином, значительно более медленном темпе, чем устная речь, с другой стороны, позволяя многократное обращение к уже написанному, она обеспечивает и сознательный контроль за протекающими операциями. Всё это делает письменную речь мощным орудием уточнения и отработки мыслительного процесса. Известно, что для уяснения мысли лучше всего попытаться написать, выразить эту мысль пись-

менно [14, с. 273 – 274]. Всё это свидетельствует о том, что эпистолярный дискурс как объект нашего исследования определяется именно этими признаками, а "языковая личность" в контексте письменного означивания, становится в какой-то мере "заложником" письменного дискурса. Письмо может рассматриваться как форма социальной коммуникации. Письмо в контексте социальной коммуникации представляется в виде "идеального" типа текста, характеризующегося своими содержательными и формальными особенностями, используемыми средствами, а также иными параметрами. Письмо личноно; оно может содержать фактологическую и эмоциональную информацию, письмо может быть сугубо "информационным", "исповедальным" или "поучающим"; оно может быть посвящено обстоятельствам собственной жизни и жизни другого или других, а также обсуждать вовсе не личные обстоятельства; как правило, письмо "реактивно", т. е. откликается на предыдущие сообщения адресата ("переписка"); оно может быть "целевым" и совершенно спонтанным, а также "ритуальным" (поздравительные открытки). К специфике письма относятся пространственно-временная разделённость участников коммуникации, обозначенная адресованность сообщения и т. д. [2, с. 32]. Заметными на этом фоне являются высказывания самих лингвистов. "С появлением письменности перед нами открылась реальная перспектива не растерять свой опыт, от чего он не был застрахован прежде, поскольку не хватило бы памяти для сохранения всего того, что человек узнал за время своего существования" [1, с. 142]. Письменный вид коммуникации в дополнении к устному значительно умножил творческие потенции человека, появились тексты культуры. А. В. Курьянович отмечает, что: "являясь уникальным материалом для лингвоперсоналогических исследований в целом, эпистолярные тексты разных типов видятся ценной эмпирической базой для изучения языковой личности авторов – носителей разных типов речевой культуры. Критерий дискурсивной компетентности, проявляемой участниками общения в коммуникативном пространстве эпистолярия, "универсуме письма", оказывается в достаточной степени весомым для дифференциации языковых личностей в зависимости от принадлежности к какому-либо типу речевой культуры" [10, с. 77].

Лингвоперсоналогия (как наука об языковой личности, проявляющейся в текстах и порождающая персонотексты как речевая индивидуальность) на основе письменных свидетельств (писем), пытается преодолеть стереотип эпохи – письмо является меньшим свидетельством о пишущем, чем речь о говорящем.

Верифицируем данную гипотезу на материале эпистолярного дискурса (частных дружеских писем Н. О. Лосского к Глебовой-Михайловской (1947 – 1957). Дружеское письмо мы определяем как "частное неофициальное письменное средство общения лиц (автора и адресата), характеризующихся достаточной содержательной свободой, наличием "ритуальных" эпистолярных элементов (обращение, подпись, а также дата, место написания) и ориентированное, как правило, на получение ответа или само являющиеся ответом. Для дружеского письма характерно ощущение

ние автором письма личности адресата, "домашность" материала, его автобиографизм: оно представляет собой опосредованный личностью ориентированный (персональный) характер общения и предназначено для строго определённого адресата. Характерными особенностями дружественного письма являются:

- 1) наличие облигаторной реализации коммуникативно-прагматической оси "Я-ТЫ",
- 2) диалогизация,
- 3) политематичность,
- 4) полифункциональность,
- 5) синтез элементов различных функциональных стилей,
- 6) отражение особенностей речевого этикета,
- 7) специфическая структура, формализованная границами, фиксирующими начало и конец письма [3, с. 14].

Обозначенные признаки являются постоянными, обязательными для данного типа письма и составляют его структурно-семантические особенности. "Эти признаки являются интегральными по отношению к дружеским письмам при всём их многообразии и их вариативности, и в то же время дифференциальными, отличающими дружеское письмо от других типов писем, т. е. данные признаки выполняют классификационную функцию" [3, с. 83]. Кроме того, выделенные признаки могут рассматриваться как персонологические маркеры искомым текстов. В контексте лингвоперсонологической гипотезы особую значимость приобретают формулы речевого этикета, которые одновременно эксплицируют диалогичность данного типа писем. Этикетные формулы рассматриваются нами как ритуальные формулы речевого поведения, выраженные особыми языковыми средствами, которые в своей совокупности образуют формуляр дружеского письма. Используемые клишированные модели являются специфическими средствами эпистолярной коммуникации, в основе которой лежит исторически сложившаяся национально-культурная традиция оформления данного вида письма (Фалина). Этикетные формулы, выполняя функции контактоустановления и размыкания контакта, представляют собой особые формы ведения эпистолярного диалога. Выбор тех или иных формул, участвующих в организации эпистолярного дискурса во многом определяется личностными характеристиками и интенциональными установками адресанта, а значит, могут рассматриваться в качестве лингвоперсонологических маркеров. Так, в корпусе проанализированных нами эпистолярных текстов маркером лингвоперсонологического означивания служит концовка письма – *Душевно преданный Вам Н. Лосский / Искренне преданный Вам Н. Лосский*. Например, в письме от 7.VI.47. New Haven: *"Дорогая Анна Николаевна! ...Душевно преданный Вам Н. Лосский*. См. также письмо от 10.III.57. New Haven: *"Дорогая Анна Николаевна! ...Искренне преданный Вам Н. Лосский*". Отметим, что графическое подобие писем, по возможности, нами сохранено. Характерным семантическим маркером дружеского эпистолярия Н. О. Лосского является форма обращения на Вы. Частотное обращение на Вы в текстах дружеских писем является, по нашему мнению, лингвоперсонологическим маркером субъекта, опреде-

ляющим его речевую культуру, а также принадлежность к определённому типу личностей "университетского сословия". Однако в отличие от концовки письма – подписывании, данная лингвоперсонологическая особенность не является доминирующей.

Ещё одной характерной особенностью дружеского письма является его политематичность [3, с. 14]. Эта черта в письмах Н. О. Лосского проявляется с особой выразительностью. В контексте политематичности мы можем обнаружить его концептуальные темы (искусство, литература и др.), которые красной нитью проходят через всё его творчество и, не изменяя творцу своего бытия, переносятся в его повседневный быт. Например, в отрывке из письма от 16.03.51. Los Angeles прослеживается тема о погоде, затем автор эпистолярного текста развивает диалог о киноискусстве: *"Дорогая Анна Николаевна! ...Надеюсь, что у Вас начинается уже весна. У нас даже в январе и феврале температура не опускается днём ниже 52° F (= 11° C); правда, нечто несколько раз было 39° F (= 40° C). А теперь, в марте на днях несколько дней было днём 87° F, т. е. 30° C! Не удивительно, что здесь в течение всей зимы появляются всё новые цветы, напр. розы... Вы пишете, что есть фильм о Мусоргском и всей "могучей кучке". Я надеюсь, что он появится и в Нью-Йорке, и тогда я надеюсь увидеть его зимою. Я жду ещё фильма, который в настоящее время создаётся в Бразилии в таких лесах Амазонки, где живут племена, не видевших ещё белых...* (графический рисунок эпистолярного текста сохранён в его начальной версии).

В стилистическом отношении, дружеские письма можно рассматривать как жанр соответствующего функционального стиля, если учесть, что в различных типах писем актуализируются разные системы языка, что обусловлено прежде всего такими особенностями дружеского письма, как политематичность и полифункциональность [3, с. 30]. Так, в дружеских письмах Лосского к Глебовой-Михайловской обнаруживаются элементы разговорного стиля, научно-публицистического. Вместе с тем, говоря о разговорной стихии в рассматриваемых нами письмах, как маркере жанровой спецификации дружеских писем, отметим для них особый статус разговорности, детерминированный элитарностью типов коммуникантов, в отличие, например, от рядового носителя, обладающего обыденным языковым и коммуникативным сознанием. Думается, что речь здесь идёт скорее об особом типе разговорного стиля элитарной языковой личности определенной эпохи, отличающимся относительной свободой и минимальной спонтанностью.

Ещё одним жанрообразующим признаком дружеского письма, а также его лингвоперсонологическим маркером служит его графический формат. А. В. Курьянович указывает на то, что "наличие в эпистолярном тексте "графемного инвентаря" позволяет говорить о чётко представленном визуальном образе как жанрообразующем свойстве данного типа. Каждый эпистолярный текст имеет свой неповторимый индивидуальный графический образ [10, с. 223]. Эти графические текстовые единицы квалифицируются как маркеры эпистолярной коммуникативной универсалии, согласно которой графические способы репре-

зентации авторских установок в эпистолярном тексте, не утрачивая своего исходного предназначения, начинают выполнять ряд других функций [9]. Всё это превращает эпистолярный текст в антропотекст [4, с. 4 – 9]. Графемный инвентарь в письмах Н. О. Лосского обнаруживается в виде, "иноязычных вкраплений", типологически свойственных языковому сознанию эмигранта (в зависимости от страны пребывания). Однако в эпистолярных текстах Н. О. Лосского они проявляются одновременно, как рефлексы культурного, так и приобретённого «двуязычия». Во Франции, например, предпочтение отдаётся французскому слову, так прочно и, наверное, основательно вошедшему в русское языковое сознание «эмигранта-интеллектуала»: «Во второй половине XVIII и в первой половине XIX веков образованные круги России пользовались французским языком, как языком «высшего общества». В дворянско-помещичьей среде французский язык считался более «элегантным». Неудивительно, поэтому, что в русский литературный язык проникло некоторое количество французских слов. Но французский язык был проводником не только французских словарных элементов. Значительная часть греко-латинских терминов и вообще «европеизмов» попала в русский литературный язык через французский языковой фильтр» [9, с. 76]. Например, фрагмент письма от 14.II.58, Paris, France. Н. О. Лосский к А. Н. Глебовой-Михайловской: "...Начну с печального известия. 8-го февраля мы получили на пароходе от Ирины радиogramму "Vladimir decederé" (Владимир скончался)...". Другой пример: фрагмент письма от 10.VI.57, Los Angeles Н. О. Лосский к А. Н. Глебовой-Михайловской: "...Мы в этом году не поедem в New Haven для пользования Библиотекою Yale University или фрагмент письма от 16.III.1951 Los Angeles: Дорогая Анна Николаевна!... У нас даже в январе и феврале температура не опускается днём ниже 52° F (= 11° C); правда, нечто несколько раз было 39° F (= 40° C). А теперь, в марте не днях несколько дней было днём 87° F, т. е. 30° C! Н. О. Лосский демонстрирует хорошее знание местных реалий страны пребывания, например, принятой в США системы измерения температурного режима, особенностей географических названий и др. Всё это является сознательным выбором Лосского, который всю свою жизнь стремился к знаниям. Примечателен в этой связи фрагмент из его мемуаров: "Вернувшись в Петербург, мы с женой поступили в школу Берлица и взяли там тридцать уроков английского языка. У нас был план поехать следующим летом из Машука на месяц в Англию. Большое удовольствие доставил нам энергичный живой метод преподавания в школе. После тридцати уроков язык у нас развязался для произнесения коротких, житейски необходимых предложений. После школы Берлица мы продолжали занятия английским языком у мисс Джексон, которая несколько спустя учила и наших детей, Володю, Борю и Марусю. Занятия дополняли чтением рассказов Конан-Долья и Уайльда... Готовясь к поездке, я прочитал "Краткую историю Англии" Грина и том географии Рекмо, посвящённый Великобритании" [12, с. 174]. Интерес в семье Лосских к языкам описывает в своих воспоминаниях Б. Н. Лосский: "Вспоминается тоже и

наши первые впечатления от чешского языка, поначалу показавшегося нам смешным из-за расхождения смысла слов, построенных на общеславянских корнях, вроде *позор* (внимание), *черствы* (свежий), *рыхлы* (быстрый), *запах* (вонь), *вунь* (запах), от неё *вонячки* (духи) и т. д. [13, с. 11]. В нашем контексте обращает на себя внимание и следующая цитата из мемуаров Б. Н. Лосского, когда он описывает встречу Лосских с супругами Крамаржами: "Также не установилось близкого общения и с супругами Крамаржами ...и его властной супругой, происходившей из московской купеческой семьи Абрикосовых. Бабушке от неё в какой-то форме и мере попало за новую орфографию в советских школах и довелось слышать суждения вроде "ять – такая душка!" [13, с. 11]. Отметим, что особая полемика в эмигрантской среде развернулась по поводу введения советскими орфографической реформы. Однако, согласно исследованиям Т. М. Григорьевой, точкой отсчёта в проведении реформы русской орфографии, долгое время считавшейся исключительной заслугой советского правительства, следует признать дооктябрьские события: "Постановления совещания при Академии наук под председательством академика А. А. Шахматова по вопросу об упрощении русского правописания, принятые 11 (24) мая 1917 г. (с 13-ю пунктами упрощения и историческими комментариями к каждому из них); и два циркуляра Министерства народного просвещения при Временном правительстве к проведению реформы в школе с 1 сентября 1917 года: от 17 мая и 22 июня 1917 г." [5, с. 53 – 62]. Как свидетельствуют материалы открывшихся фондов, за короткий период до октябрьских событий уже сложился значительный опыт издания журналов, книг и учебной литературы по новой орфографии. Сложился серьёзный опыт её преподавания в школе. В Советской России орфографическое упрощение стало одной из первостепенных акций советского правительства. В дополнение к предыдущим, были изданы дополнительные руководства к проведению реформы, но уже от имени советского правительства. Декрет Наркомпроса от 23 ноября 1917 г. с теми же 13-ю академическими пунктами упрощения, но без исторического комментария. Декрет Совнаркома от 10 октября 1918 г. с 11-ю пунктами упрощения (2 пункта исключено), где новые правила правописания заявлены от имени Народного комиссариата просвещения, и последовавшее за ним постановление Высшего совета народного хозяйства "Об изъятии из обращения общих букв русского шрифта в связи с введением новой орфографии" (от 14 ноября 1918 г.), в соответствии с которым неподчинившиеся подвергались штрафу в 10 тыс. рублей. В обстоятельствах революционного диктата именно эти три документа стали руководящими, и, несмотря на широкий размах в осуществлении реформы в начале, в завершении своём она была проведена, вопреки замыслам реформаторов, декретивным путём. Исключённые буквы были изъяты из обращения, и это, во-первых, обозначило жесткую грань между старым, дореформенным, и новым, реформированным, правописанием и, во-вторых, заслонило собой дооктябрьские события, поставив в фокус внимания акции советского правительства [5, с. 54]. Для большинства эмигрантов

отказ принять новую орфографию означал их решимость сохранять русский язык в чистоте и неприкосновенности. Некоторые писатели-эмигранты, например И. А. Бунин, З. Гиппиус, неизменно настаивали на том, чтобы их произведения печатались только в соответствии с правилами старой орфографии. Это послужило своего рода причиной некоторой обособленности И. А. Бунина от так называемой «молодой поросли», а также тех печатных изданий снисходительно относившихся к тем, кто пользовался новой графикой. Утверждалось, что новые правила не способствуют исправлению произношения, вводят весьма спорные нормы написания, которые нельзя обосновать ни этимологически, ни исторически. Этот конфликт был в конце концов разрешён: упрощённые правила находили всё большее распространение, а доступность книг, изданных в Советском Союзе по правилам новой орфографии, побуждала всё большее число авторов и издателей принимать её. Н. О. Лосский в этой связи адаптировался к новой орфографической реформе, поскольку не желал таким образом окончательно утратить связь с Россией. Тем не менее «орфографический» консерватизм в среде культурной эмиграции, мотивирующий элементы прежней языковой компетенции на уровне «сознательного-бессознательного», а также «группового-индивидуального» просуществовал достаточно долгое время. И молодое поколение, как бы парадоксальным это не казалось,

продолжало писать согласно старым орфографическим нормам вплоть до конца XX в. [7, с. 197 – 205].

Позиционирование себя в языке, что включает «знание языка» и «знания о языке» [11, с. 50 – 51] эксплицируется адресантом в разного рода примечаниях, пояснениях, поправками, переводом и толкованием иноязычных вкраплений. Подобного рода включения Ю. М. Лотман называет «шумом», новой структурной подсистемой, которая не разрушает старую, а функционирует одновременно с ней в качестве фона. А. Вежицкая называет их «метатекстовыми нитями», проясняющими «семантический узор» основного текста, или элементами метаязыка. Последний, по мнению Н. Бора, Р. Якобсона, А. Вежицкой, является не специализированным языком, а частью естественного языка, в котором «практическое употребление каждого слова находится в комплементарном отношении к попыткам дать ему точную дефиницию» [7, с. 197 – 205].

Таким образом, обращаясь к эпистолярным текстам Н. О. Лосского, мы попытались раскрыть его языковую уникальность. Наше исследование всецело отвечает требованиям современной науки в свете последних тенденций лингвистической персонологии – «всестороннее изучение конкретных языковых личностей во всём многообразии их реального бытования» [8, с. 137].

Литература

1. Абелева, И. Ю. Речь о речи. Коммуникативная система человека / И. Ю. Абелева. – М.: Логос, 2004. – 304 с.
2. Алексеев, А. Н. Дневник и письмо как формы социальной коммуникации / А. Н. Алексеев // *Философские науки*, 2008.
3. Балунова, Н. И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX в. (жанр и текст писем) / Н. И. Балунова. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского гос. ун-та, 2000.
4. Голев, Н. Д. Языковая личность, антропотекст и лингвоперсонологическая гипотеза языка / Н. Д. Голев // *Филология: XXI в. (теория и методика преподавания): материалы Всероссийской конференции*; под ред. Н. Б. Лебедевой, Е. А. Косых. – Барнаул: БГПУ, 2004в.
5. Григорьева, Т. М. Русская орфография в эмиграции / Т. М. Григорьева // *Русистика сегодня*. – 1998. – № 1 – 2.
6. Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида. – М., 2000.
7. Евпак, Е. В. Языковое и метаязыковое в письмах русских эмигрантов-интеллектуалов / Е. В. Евпак // *Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: межвузовский сборник статей*. – Кемерово; Барнаул, 2008.
8. Иванцова, Е. В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности: учеб. пособие / Е. В. Иванцова. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. – 160 с.
9. Исаченко, А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. – Ч. 1 / А. В. Исаченко. – Братислава: Изд-во Словацкой академии наук, 1954.
10. Курьянович, А. В. Прагматика графического образа эпистолярного текста (на примере писем представителей русской творческой интеллигенции первой половины XX века) / А. В. Курьянович // *Вестник ТГПУ*. – 2012. – № 1(116).
11. Лебедева, Н. Б. Структура языкового сознания / Н. Б. Лебедева // *Славянская филология: исследовательский и методический аспекты: материалы I Международной научной конференции*. – Кемерово, 2006. – Вып. 1.
12. Лосский, Н. О. Воспитания. Жизнь и философский путь / Н. О. Лосский. – Munchen, 1968.
13. Лосский, Б. В русской Праге (1922 – 1927) / Б. Лосский // *Минувшее. Исторический альманах*. – М.; СПб, 1994. – Вып. 16.
14. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия; под ред. Е. Д. Хомской. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – 416 с.
15. Тульчинский, Г. Л. Скриптизация бытия как проблема и жанр философствования / Г. Л. Тульчинский // *Философские науки*. – 2008. – № 8.

16. Эпштейн, Н. Homo scriptor: введение в скрипторику как антропологию письма / Н. Эпштейн // Философские науки. – 2008. – № 8.
17. Эпштейн, М. Н Общие категории и личные коды. Личность как субъект и предикат / Н. Эпштейн // Философские науки. – 2009. – № 9.

Информация об авторе:

Евпак Евгений Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории языка и славяно-русского языкознания КемГУ, 89059151479, jevpak.72@mail.ru.

Evgeny V. Evpak – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Language Theory and Slavonic and Russian Linguistics, Kemerovo State University.